

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

КТО ПОЙМАЛ
БУКЕТ НЕВЕСТЫ

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Кто поймал букет невесты

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

Кто поймал букет невесты / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2019 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-099516-5

Роскошная свадьба дочери крупного бизнесмена закончилась совсем не так, как все ожидали: в завершение вечера, во время салюта, был убит молодой муж – известный красавец-актер Мирослав. Его смерти желали слишком многие: отвергнутые поклонницы, режиссер, с которым актер накануне поссорился, и даже отец невесты. А когда буквально на следующий день погиб друг Мирослава, дело приобрело совсем неожиданный оборот... К расследованию подключился глянцевый журнал, которому журналистское расследование необходимо, чтобы возродить былую популярность, и Вера Бережная, владелица детективного агентства. Ей нужно не только выяснить, кто начал охоту на представителей «золотой молодежи», но и помочь новой подруге Ане Игнатьевой, волею случая оказавшейся гостьей на той злополучной свадьбе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099516-5

© Островская Е. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	20
Глава седьмая	23
Глава восьмая	29
Глава девятая	32
Глава десятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Островская

Кто поймал букет невесты

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Островская Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

* * *

Екатерине Островской в детективных романах удастся одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными вымышленными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой попытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Глава первая

Дверь отсутствовала: огромная, похожая на зал приемная не была отделена от коридора. Аня шагнула в этот зал и сразу направилась к секретарской стойке, за которой сидели двое – субтильный молодой человек и девушка-брюнетка с короткой стрижкой.

– Мне было назначено на двенадцать, – сказала Аня и представилась: – Моя фамилия Игнатьева.

Молодой человек посмотрел на какой-то листок и указал на кресла, стоявшие вдоль стен.

– Присаживайтесь.

Аня опустилась в одно из кресел и бросила взгляд на большие напольные часы в ореховом корпусе. Как ни странно, часы не были простым украшением интерьера, они работали и показывали без пяти двенадцать.

– Там больше никого нет? – поинтересовалась брюнетка, взглянув на посетительницу и кивнув сторону коридора.

– Я никого не видела, – ответила Аня.

– Странно! – пробормотала секретарша. – С вахты звонили, передали, что какая-то американка к нам прошла.

– Это они про меня говорили, я показала охранникам водительское удостоверение, которое получила в Штатах.

Молодой человек бросил на Аню полный любопытства взгляд, но спрашивать ничего не стал.

Ровно в двенадцать брюнетка нажала кнопку селекторной связи и обратилась к боссу:

– Виктор Константинович, к вам Игнатьева.

– Пусть заходит, – ответил мужской голос.

Кабинет босса тоже был огромным. И роскошным. Из-за большого рабочего стола навстречу Ане поднялся господин лет пятидесяти и указал на круглый низкий стол в углу, возле которого стояли три кресла. Вероятно, столик предназначался для деловых бесед, а уж никак не для разговора с соискателями места репортера. Что ее пригласили именно за этот стол, Аня сочла хорошим знаком.

Аня опустилась в кресло. Мужчина, слегка поддернув брюки, расположился напротив. Костюм сидел на нем идеально и наверняка был сшит на заказ у очень хорошего портного, а не приобретен в магазине. Лицо генерального директора ничего не выражало – обычная вежливая маска делового человека.

– Обычно я лично не знакомлюсь с будущими рядовыми сотрудниками, – проговорил он. – Но вас рекомендовал Старков, а это солидная рекомендация. Вы учились у него?

– У него, а потом у других хороших фотографов.

– Другие меня не интересуют. Достаточно Старкова. То есть по журналистской специализации вы – фоторепортер?

– В моем дипломе написано «журналист», но дипломную работу я писала по развитию жанра журналистских расследований.

– Так вы еще и пишете? – растягивая слова, удивился гендиректор. И, не дожидаясь ее ответа, уточнил: – Но фоторепортером все-таки успели поработать?

– Мой опыт указан в резюме, как и мои навыки.

– Мне некогда просматривать все поступающие резюме. Расскажите, где вы работали?

Генеральный директор откинулся на спинку своего кресла с таким видом, словно пригласился выслушать долгую историю.

– Журналы «People», «Time» и «Fortune» иногда публиковали мои снимки, – начала перечислять Аня. – Потом «National Geographic» как-то разместил фоторепортаж о...

– Вы серьезно? – перебил ее гендиректор, резко выпрямившись. – Если это так, что ищете в моем журнальчике?

– Работу. Недавно вернулась из Америки. Теперь буду жить здесь, хочу работать по специальности – другого места пока не нашла.

– Вы жили в Штатах? Как вы туда попали?

– Шесть лет назад, то есть почти семь, когда я училась на последнем курсе, оказалась в Москве, там как раз были протестные митинги. Я решила сделать несколько снимков. Мои фотографии прошли отбор на конкурс «Интерпрессфото». В результате получила вторую премию, подарок от одного из спонсоров – фирмы «Sony» и предложение от одного из американских фондов продолжить образование в Нью-Йорке. Так что кроме диплома Санкт-Петербургского университета у меня за плечами еще два года обучения в институте Артура Картера при Нью-Йоркском университете.

– Неплохо. Признаюсь, не ожидал. – Гендиректор явно был впечатлен. – Нам нужен скромный светский репортер, а вы... Неожиданно как-то. Обычно приходят девочки с мыльницами, уверенные в том, что нажимать на кнопку – это самое главное. На телефон еще пробовали снимать... Но такие вылетают сразу. А была одна, которая решила, что через нас познакомится с каким-нибудь олигархом. И что удивительно – познакомилась! Прикинулась эдакой семнадцатилетней провинциальной простушкой, села на хвост Боре Горовцу и таскалась с ним по тусовкам. Потом он по собственной наивности женился на ней, но это плохо кончилось для обоих. Она решила развестись и разделить имущество... Кстати, вы замужем?

Аня ответила не сразу, посмотрела на окно и произнесла негромко:

– Вдова.

– Сочувствую.

Генеральный директор поднялся, подошел к своему столу и нажал на кнопку селекторной связи.

– Нам бы кофейку. – И взглянув на Аню, спросил: – Вы кофе пьете?

Аня кивнула.

– Охотно, но только хорошие сорта. Из бразильских – робусту конилон, никарагуанский – марагоджит, но всем предпочитаю – арабику майсор.

– Ого! Ну если вы еще и в фотографии такой же специалист...

– У меня в дипломе написано «специалист», а что касается кофе, то я – любитель.

Хозяин кабинета вернулся в свое кресло и продолжил, но с видимым разочарованием:

– Я планировал найти кого-то, кто будет ходить по светским тусовкам и при этом не только нажимать на кнопку аппарата, но и делать хорошие снимки. Вы видели наш журнал?

Аня кивнула.

– Значит, вы поняли, что требуется от светского репортера. А как теперь вас использовать? Это то же самое, что иметь танк и ездить на нем в ближайший универсам за сигаретами.

– Я не курю, – улыбнулась Аня.

– Да это я образно!

Вошла брюнетка с подносом, на котором стояли небольшой кофейник и две чашки. И блюдо с канапе: к маленьким бутербродикам с кусочками моцареллы шпажками крепились помидорчики-черри.

– Использовать вас – это как из пушки по воробьям, – наконец нашел сравнение гендиректор. – Но тем не менее...

Аня пригубила кофе и посмотрела на ожидающую команды застывшую брюнетку.

– Кофе сорта «сантос», – сказала Аня, – из простых самый известный.

– Нам его из Бразилии специально привезли – целую коробку зерен. Сказали, что самый лучший.

– Из недорогих – возможно, – согласилась Аня.

Генеральный директор махнул рукой секретарше, и та удалилась.

– И тем не менее я не могу не взять вас на работу, – продолжил он. – Одно задание для вас уже есть. Через три дня Леня Красильников выдает замуж дочь. Дочка разумеется, хотела отметить это событие в Италии или во Франции – где-нибудь на Лазурном Берегу, но среди приглашенных есть видные чиновники, которые теперь, увы, невыездные. А без них праздник – не праздник. А потому Леня решил сделать Лазурный Берег здесь. Купил участок на берегу залива, посыпал берег черноморской галькой... Разумеется, не специально к свадьбе купил, но так уж совпало. Но зато сейчас быстренько расставил пальмы в кадках, дорожки выложил, поставил домик и павильоны. Конечно, получилось дороже, чем пару-тройку чартеров заказывать, но зато чартер улетит вместе с деньгами, а эта красота останется надолго. Красильников, кстати, очень изобретательный товарищ. Он задумал полностью оплатить номер нашей «Светской жизни», целиком посвященный свадьбе дочери, чтобы каждый гость мог получить потом то, что будет стоять на полке. Естественно, должно быть суперкачество, да и полос будет не как обычно – девяносто шесть, а вдвое больше.

– Я поняла. Толстенная книга получится, если учесть плотность бумаги.

Генеральный кивнул и продолжил:

– А поскольку вы – профессионал, то ничего объяснять не буду. Нужен общий план и крупный план. А если будут вдруг нелепые неожиданности, то постарайтесь не пропустить какой-нибудь смешной казус: например, кто-то упал в бассейн, кто-то завалил под стол чужую жену... Шучу. Там все будет очень чинно. Да и вы не должны выглядеть, словно обычный свадебный фотограф. Вы будете среди приглашенных, а пару... В смысле кавалера на вечер я вам отыщу. Все будет выглядеть так, словно вы из их круга, но пришли в гости со своим аппаратом. Простых фотографов и операторов там и без вас будет достаточно, но вряд ли их подпустят близко к столам. Все ясно?

Аня кивнула, но решила уточнить:

– Я только не поняла насчет пары.

Генеральный директор задумался:

– У меня есть знакомые, которые пойдут на этот праздник Гименея без пары: один только что развелся, а жена другого любит скандалить в обществе, а потому он ее отправил в Милан на шопинг. Только вы, разумеется, должны и выглядеть достойно.

– Что-нибудь от кутюр?

– Приличненькое, – уклончиво ответил новый босс. – Если у вас нет, то я готов выделить в качестве аванса некоторую сумму и подсказать неплохой бутик.

– Спасибо, но у меня есть в чем пойти. Три года назад в Нью-Йорке познакомилась с молодым японцем, который бредил модой. Он пригласил меня в Сингапур, где тогда проживал сам, и я там сделала несколько сотен снимков его работ. Такедо искал спонсоров и нашел их в Китае. Теперь он самый раскрученный в Азии модельер, огромное количество поклонников. Фирма его солидная, хотя и принадлежит китайцам...

– Вы скажите еще, что фирма называется «Клан Катани»?

– Именно так и называется, – кивнула Аня. – Так что духи, линии одежды, аксессуары – все это разработки Такедо, который взял себе псевдоним Киото Катани.

Генеральный директор «Светской жизни» некоторое время молчал и, наконец, негромко произнес:

– И вы лично знакомы с Киото Катани?

– Почти друзья. Из своей первой коллекции он сам выбрал и подарил мне кое-то. В чем я и явлюсь вашему миру.

- Не верится как-то. Откуда вдруг такие связи у простого фоторепортера?
- Просто моим учителем был Марк Хайден, которого считали лучшим фотографом современности, – улыбнулась Аня. – Он был моим профессором, а потом стал моим мужем.

Глава вторая

Марк Хайден был председателем жюри конкурса «Интерпрессфото». Сам он номинировал снимки Анны Игнатъевой на третью премию, но остальные члены убедили его отдать русской студентке второе место. А Гран-при получила, опять же против воли Марка, фотография двух целующихся геев на фоне разрушенного иракского города. Оба гея, разумеется, в форме американских морских пехотинцев. Но именно снимки Ани потом опубликовал журнал «Тайм». Ей выплатили гонорар, после получения которого Аня окончательно приняла решение учиться в Нью-Йорке. С Марком она несколько раз разговаривала по скайпу и переписывалась в «Фейсбуке», и сначала он интересовал ее исключительно как профессионал.

Это потом уж профессор Хайден признался, что полюбил Аню с первого взгляда, когда увидел ее лицо на экране монитора своего компьютера.

У Марка была большая квартира на Пятьдесят девятой улице рядом со станцией метро «Пятая авеню» и отелем «Плаза». Из окон открывался вид на Центральный парк, на большой пруд, на спортивный клуб Нью-Йорка и зоопарк Центрального парка. Одна из комнат квартиры была похожа на музей фотоаппаратуры: Марк долгие годы собирал старинную фототехнику и редкие фотографии. В коллекции была первая камера для дагеротипии, бокс-камера Джорджа Истмена, первый фотоаппарат «Кодак» для роликовой пленки, а также миниатюрные фотоаппараты, вмонтированные в пудреницы и зажигалки – шпионские гаджеты из арсенала Джеймса Бонда.

В первый раз посетив квартиру Хайдена, Аня долго рассматривала коллекцию. Марк был польщен ее интересом и с удовольствием провел экскурсию. Возле увеличенных снимков Мэттью Бреди он замер и сказал:

– Величайший фотограф всех времен. Настоящий художник, первый фотодокументалист. Удивительно, как он с той примитивной техникой мог создать настоящую галерею войны Севера и Юга.

Аня рассматривала фотографии офицеров на фоне палаточных лагерей, когда за спиной прозвучал тихий голос профессора Хайдена:

– Я люблю тебя, Энн.

Она тогда растерялась. Признание было таким неожиданным, что Аня не знала, что ответить. Она боялась даже обернуться.

А лучший в мире фотограф, который был ее кумиром, спросил обреченно:

– У тебя кто-то есть в России?

Аня наконец посмотрела на него, помотала головой:

– Сейчас никого нет. Я какое-то время встречалась с папиным аспирантом, но мы расстались.

Мистер Хайден задумался, сопоставляя. После чего поинтересовался:

– Твой папа – ученый Михаил Игнатъев?

Аня кивнула.

– Я – его фанат, – признался Марк. – Читаю все его статьи, которые у нас публикуют. Его экономическая теория уникальна, потому что это больше чем экономика. Он очень богатый человек?

– Совсем нет. Такой же, как большинство людей в нашей стране. Он говорит, что ему нужно только, чтобы хватало на еду, на рюмочку коньяка после обеда и на брюки, чтобы прикрыть свой зад. Мама поэтому с ним и развелась.

– Очень жаль, – вздохнул Марк.

В тот день он больше не говорил о своей любви. Аня вернулась в общежитие, в комнату, которую делила с Торой Джонсон из Цинциннати. Соседка засыпала ее вопросами:

– Он отвел тебя в ресторан? Нет? В баре посидели? Ну, хоть переспали?

Ответ ее удивил.

– А зачем тогда ходила к нему?

Ночью Аня долго не могла заснуть. Лежала и думала, вспоминала прошедший день, квартиру профессора, коллекцию камер, самого мистера Хайдена, его признание и его смущение. И поняла, что Марк нравится ей: нравится как преподаватель, конечно же, как фотохудожник, но и как человек он интересен. Марк обаятельный, симпатичный, занимается яхтенным спортом. А какие у него восхитительные снимки океана, всплывающих китов и резвящихся дельфинов! Морская пена, взлетающая над палубой, чайки, паруса... Аня представляла все это, постепенно засыпая, и понимала, что очарована Марком, пусть пока ее очаровало лишь его фотоискусство, но этот человек ей небезразличен.

Утром она призналась сама себе, что, действительно, мистер Хайден ей симпатичен, хотя и не настолько, чтобы спать с ним. Она не хотела спать и с темнокожим сокурсником Джексонном, который открыто предлагал ей это, не стесняясь присутствия посторонних. Аня публично отказала ему, и тогда Иеремия Джексон пустил слух, что русская студентка – расистка. Ему поверили, Аню даже вызвали в деканат, чтобы предупредить, что она находится в свободной стране, а потому не следует так открыто выражать свои взгляды. Аня пыталась объяснить, что Джексон домогался ее, но не нашла сочувствия и понимания. Она вышла из деканата в слезах. И столкнулась с довольным Джексонном.

– Ну че, конфетка, – бросил он, нахально подмигнув, – тебе все объяснили? Так что жди – я приду сегодня.

Аня решила не возвращаться в общежитие, а так как идти ей было некуда, она приехала к мистеру Хайдену. В ту ночь ничего между ними не было, Марк предоставил госте отдельную комнату.

А Иеремия Джексон, явившись, как и обещал, остался у Торы Джонсон, с которой и провел ночь. Джексон даже запечатлел некоторые моменты их общения, распечатал снимки на принтере и вывесил их на факультетской доске объявлений.

Джексона вскоре отчислили, и он тут же подал в суд, обвинив всех преподавателей в расизме. На суде выступил и профессор Хайден, который сообщил, что студента Иеремию Джексона отчислили за неуспеваемость по специальным предметам, а представленные им для всеобщего обозрения фото в стиле ню очень низкого качества, вероятно, вследствие того, что Джексон пропускал занятия, что отражено в ведомостях посещаемости.

Тора тоже подала в суд на Джексона за нарушение ее права на личную жизнь. Она потребовала с бывшего сокурсника в порядке компенсации два миллиона долларов. Суд признал Джексона виновным, приговорил его к двум месяцам обязательных работ и заставил выплатить пострадавшей в качестве компенсации двести долларов.

Но все это уже мало интересовало Аню Игнатьеву. Она уже перебралась к Марку насовсем. Потом была свадьба – весьма скромная, но родители невесты из России приехали. Отец – Михаил Васильевич Игнатьев заодно прочитал четыре лекции в Колумбийском университете для всех желающих. Университет, естественно, оплатил эти лекции. Сумма, к удивлению отца, оказалась значительной, но он оставил весь гонорар дочери. А Марк сделал отличную фотографию: известный русский экономист и диссидент кормит хлебом голубей в Центральном парке, среди деревьев, которые сбрасывают багровую и золотую листву.

Глава третья

Фотографировать чужую свадьбу – задание несложное. Конечно, Аня Игнатьева рассчитывала совсем на другую работу. Но можно начать и с этой.

Накануне позвонил мужчина, который представился кинорежиссером Летягиным. Он сообщил, что по просьбе Виктора Константиновича Сухотина будет сопровождать Аню на свадьбу, а потому хочет узнать, во что она будет одета, чтобы соответствовать стилю.

– Скромненько оденусь, – пообещала Аня. – Серое платье из сиамского батика с перламутровыми чешуйками. Клатч из того же перламутра, туфли из серой змеиной кожи. Все предметы из первой коллекции Киото Катани.

– Это шутка такая? – не поверил ее будущий кавалер.

– Нет, не переживайте: все очень скромное, неброское.

После звонка Аня нашла в интернете информацию на Вадима Летягина. Оказалось, что он снял несколько фильмов, последний из которых назвали культовым. Аня ни одного из его фильмов не видела. А сам режиссер, если верить фотографиям, был улыбчивым и обаятельным тридцатилетним мужчиной.

Летягин заехал за ней на черном «Мерседесе». Машину предоставил им Сухотин. Серый костюм Летягина гармонировал с нарядом Ани, даже галстук он выбрал с рисунком под змеиную кожу.

Когда разместились на заднем сиденье, Аня отдала спутнику фотоаппарат, который взяла собой. Летягин оценил камеру.

– Так это же «Hasselbland Н-четыре D»! – восхитился он. – Я слышал о таком фотике, но впервые держу в руках. Откуда?

– Подарок мужа, – коротко ответила Аня.

Больше вопросов Летягин тактично не задавал.

Зато рассказал много интересного. К примеру, что дочь Красильникова, с которой он практически не знаком, хотя и видел пару раз, выходит замуж за сына кинопродюсера Лесневича. А с Лесневичем он общается часто и даже приятельствует. С продюсером, разумеется, а не с его сыном. Но и с парнем тоже знаком.

– Хотя от таких ребят надо держаться подальше, – заключил Летягин.

– В каком смысле? – поинтересовалась Аня.

– Во всех. Парень просто поля не видит. Закончил театральный, хотя способностей немного, если не считать фактуру. Снялся в нескольких фильмах в ролях второго плана, но все режиссеры зареклись с ним работать. У меня в «Хароне» он тоже был занят. Но я, зная Мирослава, сразу отснял все эпизоды с ним, чтобы поскорее расстаться. Но он не уезжал, каждый день появлялся на съемочной площадке, подбивая всех остальных актеров на нарушение режима. С трудом уговорил Лесневича забрать сына.

– О чем ваш фильм?

– Сюжет, кстати, неожиданный, – охотно принялся рассказывать режиссер. – Людей отвозят в лодке на некий остров, где располагается комплекс полуразрушенных зданий и где обитают неприкаянные персонажи с разными историями. Все они считают, что умерли и находятся в потустороннем мире... А Харон привозит все новых и новых...

– Я смотрел, – обернулся водитель. – Не скажу, что особенно увлекло, но жене понравилось. Особенно тот красавчик, который напился на собственной свадьбе, а потом очнулся черт-те где.

– Вот эту роль как раз и исполнял Мирослав Лесневич, – сказал Летягин и строго заметил водителю: – Но впредь попрошу вас не мешать нашему разговору.

Всех прибывающих гостей встречали лично отец жениха продюсер Лесневич и отец невесты – Леонид Борисович Красильников, про которого спутник сообщил Ане, что тот владеет крупной финансово-промышленной группой. Лесневич обнял Летягина, как самого близкого друга, а потом поцеловал руку Ане. И шепнул Летягину в ухо, прекрасно понимая, что девушка слышит:

– Кто такая? Почему не знаю?

– Для меня тоже загадка, – тихо ответил тот. – Просто незнакомка.

– Понял, – ответил Лесневич и громко продекламировал: – Девичий стан, шелками схваченный...

Народу прибывало все больше и больше. Аня начала работать, фотографируя гостей. На нее оборачивались некоторые мужчины, а женщины разглядывали ее платье. Впрочем, их интересовало, скорее всего, то, что она пришла с известным режиссером.

Церемония бракосочетания состоялась еще утром. На ней присутствовали только самые близкие. И теперь собравшиеся гости с нетерпением ожидали прибытия молодоженов. На площадке под навесом расположился небольшой скрипичный оркестр, который исполнял мелодии Дворжака и Чайковского. Официанты разносили коктейли и шампанское. Летний день был теплым и солнечным. Воробьи в ожидании хлебных крошек отчаянно чирикали.

– У вас есть аккредитация? – прозвучал за спиной женский голос.

Игнатьева обернулась и увидела темноволосую молодую женщину, которая смотрела уж если не строго, то очень внимательно изучала.

– Простите, но меня попросили сделать несколько снимков.

– Кто просил? – наседала незнакомка. – У вас профессиональная камера, а журналистов сюда не должны были пропускать.

– Вообще-то я по приглашению, вместе с режиссером Летягиным.

Аня посмотрела вокруг, надеясь найти своего спутника, чтобы он подтвердил ее слова, но лицо подошедшей к ней женщины изменилось. Теперь она старалась казаться приветливой.

– Меня зовут Клара, – представилась она, – я – пресс-секретарь вице-губернатора Колобова. Вы же понимаете, вдруг случайно будет какой-то неудачный кадр, который может нанести ущерб репутации уважаемого человека...

– Я постараюсь, чтобы такого не произошло, – пообещала Игнатьева.

– Да уж надеюсь, – улыбнулась Клара и продолжила: – А что сейчас Летягин снимает?

Аня пожала плечами:

– Не знаю.

И тут же пресс-секретарь потеряла к ней всякий интерес. Сказав, что у нее здесь много работы, она удалилась. И это было странным: какая работа, ведь это свадьба дочери местного олигарха, к которой вице-губернатор не имеет никакого отношения.

Время тянулось, а молодых все не было. Наконец, не выдержали родители жениха и невесты, стали названивать молодоженам и злиться.

– Веселая свадьба предстоит, – прозвучал за спиной Ани женский голос. – Говорят, после регистрации счастливая невеста так швырнула свой букет, что он не за спину ей полетел, а вперед...

– И что, никто не поймал, что ли? – любопытствовал другой женский голос.

– Не знаю, я не присутствовала. Но если бы и была там, то ловить не стала. Меня пока мой муж вполне устраивает.

Аня обернулась и увидела расположившихся в ротанговых креслах двух дам лет тридцати. Направила на них объектив фотоаппарата, и обе женщины склонились друг к дружке и, как по команде, сделали губки уточкой.

Вскоре к воротам резиденции подъехали несколько автомобилей, из которых вышли молодожены и их друзья. Аня обернулась к ним, продолжая снимать.

Скрипки и альты взвились, хлопнули несколько петард, собравшиеся закричали «ура!» и зааплодировали. Все начали рассаживаться за столы. Летягин прошел вдоль столов и нашел две карточки со своей фамилией и фамилией Ани. Оказалось, их посадили неподалеку от молодоженов.

Аня продолжала работать, она уже сейчас могла отметить, что некоторые кадры получатся удачными, способными оживить репортаж. Одна дама принесла в своей сумочке собачку и подкармливала ее хамоном и черной икрой, держа сумочку с собачкой на коленях под столом. Другая гостья, улыбаясь сидевшему справа от нее мужу, хватала за коленку молодого человека слева от себя. Начальник какого-то отдела из городской администрации, сделав большой глоток шампанского, едва не подавился, закашлялся, из глаз у него потекли слезы. На снимке получилось так, будто он захлебывается от рыданий.

Произносились тосты, хлопали открываемые бутылки шампанского, люди смеялись и ели. Почти сразу началась раздача подарков. Гости говорили напутственные слова молодоженам и подносили им увесистые конверты.

Когда дошла очередь до Летягина и Ани, то режиссер поднялся, достал из кармана совсем тощий конвертик и сообщил, что в конвертике лежит приглашение для невесты сняться в одной из ролей в его новом фильме.

– Йес! – закричала невеста, выскочила из-за стола навстречу подходившему к ней Летягину, бросилась ему на шею и расцеловала.

На самом деле все, что надо для журнала, было уже снято. Но с наступлением темноты ожидалось салют и фейерверк, а это тоже надо было запечатлеть.

Аня сделала несколько снимков главного стола, сфотографировала крупным планом родителей молодоженов и свидетелей. Потом уединилась в сторонке возле пальм, чтобы проверить, как получается. Тут к ней подскочила девушка.

– Классный прикид у тебя, – шепнула она. – Тут есть один специалист, который сказал, что это оригинальный Киото Катани. Мы поспорили с ним.

– Ваш специалист выиграл, – ответила Аня.

– Да ну его! Я просто повод искала, чтобы с вами познакомиться. Я уже подошла к Вадику Летягину и поинтересовалась вами. И он ответил, что вы постоянно работаете на разных дефиле и всех там знаете.

– Всех – не всех, но кое-кого. А вам нужна протекция?

– Просто хотела там побывать, покрутиться в том мире. Познакомиться с кем-нибудь. Я ведь тоже хотела стать моделью, но папашка не разрешил. Мама не против была. А отец – он привык, чтобы все его слушались...

– А кто у вас отец? – заинтересовалась Аня.

– Вице-губернатор Колобов. Так вы поможете мне?

– Обещать не буду. Но позвонить, чтобы вас встретили, труда не составит. В Гонконге бывали когда-нибудь?

– Нет. А зачем? – растерялась девушка, но тут же догадалась: – Катани там живет? Летягин сказал, что вы с ним дружите...

Аня кивнула.

– Правда? – не поверила дочка вице-губернатора. – А я его просто обожаю! Его духи меня вообще с ума сводят. Особенно «Моси-моси Киото».

– «Моси-моси» на японском означает «алло».

– Да-а? – удивилась девушка. – А что значит «Оясуми Киото»?

– Спокойной ночи, Киото.

– На самом деле, эти духи мне еще больше нравятся. У них такой фиалковый аромат!

– Если вас интересуют переводы названий духов всей линейки, то «Яххо» – это «привет». «Мата асита» – «до завтра». «Хаа» – означает «да, господин».

– Как интересно! – вздохнула девушка. – А еще...

– Если хотите, то встретимся как-нибудь и обсудим, – предложила Аня, чтобы девица отстала и не мешала ей работать.

– Да-да, – обрадовалась дочка вице-губернатора, – было бы здорово.

Она всучила Ане визитку и отошла к своему столику.

Праздник продолжался. Жених напивался все больше и больше, однако невесту это мало интересовало. Она переговаривалась с подругами, кричала им что-то и хохотала. Кое-кто из гостей направился на выход, Аня и это сняла. Начинало смеркаться. Над столами вспыхнули светильники, и осветилась небольшая эстрада, куда взобрался молодой человек в блестящем костюме и объявил песню, посвященную молодым. Затем спел еще одну. После него на сцену выбежали три девчонки – очевидно, тоже популярные исполнительницы, они сразу начали танцевать, стараясь при этом удержать в руках микрофоны.

– Меня от нашей эстрады тошнит, если честно, – признался Летягин, возникнув возле Ани. – Пойду пройду вдоль берега. Не хотите составить компанию?

– Я на работе, – ответила Аня.

Она фотографировала и изображающих певцов девчонок, и других звезд, гостей, которые становились все пьянее и пьянее. Наконец, концертная программа закончилась. Отец невесты произнес небольшую речь.

Прокричали «Горько!», жених с невестой поднялись, начали целоваться, и в этот момент земля сотряслась от грохота, в небо взлетели сотни петард. Прозвучал второй залп, третий...

Вернулся Летягин с ослабленным узлом галстука.

– Кажется, у вас больше никаких обязательств? – спросил он.

– Еще сделаю пару кадров, как жених с невестой покидают гостей.

– Если Мирослав сможет уйти самостоятельно, – усмехнулся режиссер.

Он обернулся, чтобы посмотреть на молодоженов. Невеста стояла одна и смотрела в небо, где распускались букеты разноцветных огней. Жениха рядом с ней не было. Салют продолжал греметь. Наконец, прозвучали последние залпы, и только теперь невеста заметила, что любимого рядом нет. Она наклонилась к свидетелю и попросила его о чем-то. Вероятно, чтобы он разыскал Мирослава. Не только свидетель, но еще несколько парней поднялись и отправились на поиски. Из-за стола выскочила та самая девушка, которая разговаривала с Аней о духах, а следом еще одна.

Гости переговаривались, выпивали, но уже лениво и без особого азарта.

– А танцев не было, – вспомнила вдруг Аня.

– И драки тоже, – поддержал ее Летягин.

И в этот момент раздался истошный женский крик. Разговоры стихли. Все обернулись, пытаясь понять, кто и где кричал. И тут же прозвучал еще один женский вопль.

– Неужели все-таки подрались? – усмехнулся Летягин, прислушался, и тут же лицо его стало серьезным. – Похоже, это не драка, это что-то страшнее.

Из темноты выскочили заплаканные испуганные девушки, за ними растерянный парень. Тут же в темноту бросился отец жениха.

И мужской голос громко произнес:

– Просьба ко всем уважаемым гостям оставаться на своих местах.

Глава четвертая

Мирослав Лесневич был застрелен с близкого расстояния. На его лице остались следы порохового заряда. Тело обнаружили друзья жениха, которые и подняли крик. Убитый лежал за рядом палм в глубокой тени. Когда прибыли полицейские, туда уже подтащили осветительные приборы.

У операторов, снимавших торжество, весь отснятый материал изъяли. Потребовали отдать камеру и у Ани.

– Только под расписку, – ответила она.

– Что вы тут выживаетесь? – возмутился молодой полицейский в штатском. – Вы своими гламурными понтами всю страну уже достали!

– Эта камера стоит пятьдесят тысяч долларов. Вы готовы выплатить такую сумму в случае исчезновения аппарата или его поломки? – заступился за Аню Летягин.

Режиссера, судя по всему, узнали, спорить с ним не стали, и фотоаппарат Ани решили не забирать. Тем более что приглашенные операторы снимали постоянно, не выбирая отдельные моменты, как фотограф.

Полицейские переписали данные всех присутствующих. То есть почти всех, к некоторым они даже не подходили. Дама с собачкой склонилась над столом, прижав ладони к вискам. Проходящий мимо полицейский пес остановился и потянулся носом к ее коленкам. Прикрытая скатертью собачка икнула от страха, и ее тут же вытошнило в сумочку хамоном.

Полицейский в штатском, тот самый, который пытался отобрать камеру, подошел к Ане.

– Хочу извиниться... Сами понимаете, работа у меня такая.

– Понимаю. И не обиделась.

– Сегодня хотел пораньше лечь, – продолжал оправдываться молодой человек. – У меня завтра суточное дежурство, и вот нате вам – прямо из дома вызвали.

– Вы хотели извиниться, – прервал его Летягин, – ваши извинения приняты. Так что...

Он взял Аню под локоть и хотел увести, но полицейский остановил их:

– У меня вопрос к вашей девушке.

Летягин взглянул на Аню, она кивнула, и режиссер отступил на пару шагов.

– Мне показалось, что вы очень наблюдательная, – сказал полицейский. – И похоже на то, что вы самый трезвый человек здесь. Может быть, вам что-то показалось странным на этой свадьбе?

Аня пожала плечами:

– Ничего такого. Хотя я редко бываю на подобных мероприятиях, не знаю, как обычно ведет себя эта публика. Да и народу было много, чтобы наблюдать за каждым. А молодых людей всего полтора-два десятка. И не все из них из числа близких друзей молодоженов. Они все время молчали.

– Ни у кого ни с кем никаких конфликтов или споров не было?

– Я не заметила. Кажется, все было очень чинно.

– То есть ничего вообще не заметили?

Аня еще раз пожала плечами и добавила:

– Возможно, что-то замечу на фотографиях и вспомню, но пока... Если честно, то я устала от этой суеты и хотела бы поскорее попасть домой.

– Мы уже заканчиваем. Я могу вас отвезти.

– Спасибо, но я доберусь. Нам с режиссером Летягиным выделили машину.

– Тогда можете ехать, если ваш водитель уже дал показания.

Но водитель «Мерседеса», как выяснилось, не дожидался своих пассажиров: его дело было только доставить, а потом приехать по звонку, чтобы забрать. На парковке не было места

для всех машин, да и те, которые должны были находиться там, из-за отсутствия парковочных мест, сразу укатили по шоферским делам. А те водители, которые остались, ничего не видели и не слышали. Так что шофера издательского дома не допрашивали вовсе. Теперь он стоял возле своего автомобиля и с интересом выслушивал то, чем делились с ним коллеги, разговоры, конечно, были только о произошедшем на свадьбе убийстве.

Летягин опустил на заднее сиденье рядом с Аней и вздохнул:

– Отдохнули, называется. Прямо кровавая свадьба какая-то. Кстати, был фильм с таким названием.

Аня промолчала, зато беседу поддержал разговорчивый водитель:

– Я видел это кино, но давно и не помню даже, чем там все закончилось.

– Не помнишь, так молчи, – посоветовал ему Летягин, – за дорогой лучше следи.

– Как прикажете, – обиженно отозвался шофер.

– А почему Сухотин не приехал на эту свадьбу? – поинтересовалась Аня.

– Откуда мне знать? – ответил Летягин.

– Я знаю! – обрадовался шофер возможности вернуться в разговор. – Это из-за жены Красильникова и дочки, наверное.

Он развеселился еще больше и продолжил делиться известными ему фактами:

– Тут в одном нашем журнале была статья или как там... репортаж с вечеринки. И девочка, которую Виктор Константинович туда послал, облажалась. Написала, что наряды дам были ужасные, особенной безвкусицей отличались туалеты жены магната Красильникова и его дочки. Дурочку, конечно, из журнала поперли, а заодно и выпускающего, который не вычитал материал и не внес правку, сняли с должности. Конечно, Сухотин с Красильниковым не поссорились, но осадочек остался, как говорится. На свадьбу шефа не позвали, а то точно бы был скандал.

– Уж лучше бы скандал, – усмехнулся Летягин.

– Вы, вероятно, с водителями многих нынешних гостей знакомы. Они чем-то делятся с вами? – обратилась Аня к водителю.

– В смысле информации? Нет, не делятся. А зачем им? Ведь если узнают, что они языком того самого, то голову точно оторвут. Но я недавно на заправке столкнулся с одним бывшим водилой. Кстати, именно Красильникова. Так парня выгнали за то, что он ляпнул где-то, будто дочка Красильникова отрывается в клубах и он порой забирал ее оттуда в хлам пьяную. Да и друзья у нее такие же.

– За дорогой следи! – приказал Летягин.

Когда подъехали к дому, в котором жила Аня, режиссер вышел и галантно открыл дверь перед своей спутницей.

– В гости не набиваюсь, – с грустью в голосе произнес он. – Но если будет желание пообщаться в другой раз, то звоните. – И протянул визитку. Но тут же отдернул руку. – Сейчас я запишу сюда еще один номер, по которому меня всегда можно найти, – объяснил он.

Достал из кармана ручку.

– Этот номер только для самых близких друзей.

– Я никому о нем не скажу, – пообещала Аня, не собираясь звонить режиссеру Летягину вовсе ни по одному из номеров.

Глава пятая

Утром Игнатьеву разбудил звонок Сухотина.

– Я все знаю, – не здороваясь, сообщил он. – С коммерческим номером журнала, конечно, облом, но ваша работа будет в любом случае оплачена. А пока отдыхайте: сегодня суббота, выходной, а в понедельник с утра жду вас в офисе. У меня родилась одна идея...

– Я поняла, – ответила Аня, хотя ничего не поняла, кроме того, что ее начальник не очень обеспокоен убийством молодого человека – даже не поинтересовался, как это случилось.

Накануне она вернулась в четвертом часу ночи и не сразу легла спать, надеясь утром поваляться в постели подольше, но раз как следует выспаться ей не дали, решила разобрать вчерашние фотографии. Аня пролистала все снимки, дошла до начала салюта, пытаясь определить, кто вышел из-за стола перед женихом или сразу вслед за ним. Но ясности не было.

Она набрала номер своего старого учителя доцента Старкова.

– Тебя интересует, что за человек Сухотин? – Старков несколько растерялся. – Знаю его больше тридцати лет и все равно не могу понять. Мы учились с ним на одном курсе. Приятельствовали. После окончания Витю послали в область в одну районную газету. Это было в самом конце восьмидесятых. И вот он однажды примчался ко мне с идеей: выпускать газету с брачными объявлениями. Мне идея показалась бесперспективной, потому что тогда любая газета была чей-нибудь орган. Или орган обкома партии, или горкома комсомола, или партийной и профсоюзной организации завода. Брачная газета – это тогда казалось чем-то из категории несбыточной мечты. Но ему удалось. Он не учредил новую газету, а как бы стал выпускать приложение к своей районке. Районная типография там была почти своя и не загруженная заказами, излишки бумаги тоже имелись. Главное было найти заказчиков – тех, кто хотел встретить свою судьбу с помощью никому не известного листка, выпускаемого в сельском районе. Но Сухотину повезло, не знаю как, но ему удалось обеспечить реализацию тиража. И опять он пришел ко мне, потому что с версткой у Вити было совсем плохо.

– Но вы ведь какое-то время работали вместе? – уточнила Аня.

– Да, я макетировал ему первый четырехполосный номер. Компьютеров тогда не было, пришлось вручную со строкомером, что не так уж легко, потому что на каждой полосе больше сотни коротеньких объявлений. Первый тираж принес ему три с половиной тысячи рублей чистой прибыли – огромные по тем временам деньги. Дело пошло, о единственной в стране брачной газете вскоре узнали все: в Белоруссии, в Прибалтике, на Кавказе, на Дальнем Востоке, в столице. Газета стала восьмиполосной и выходила, как и прежде, раз в неделю, – вспоминал Старков. – На ее страницах появилась реклама о продаже квартир, дачных домиков и автомобилей. В советские времена подобные объявления на листочках с рукописным текстом вывешивались на заборах или на бетонных автобусных остановках. А тут газета, которую прочтут многие. У Сухотина в редакции появились две девушки, которые перепечатывали тексты на машинке, я же потом верстал номер. Получал за свою работу, то есть за каждый сданный в типографию номер по сто сорок рублей, то есть месячную ставку журналиста «Вечерки», в которой я трудился тогда. Это длилось чуть больше года, потом Витя решил выпускать собственную газету «Купи-продай», где люди размещали объявления о продаже квартир, машин, швейных машинок, джинсов...

– Как я понимаю, успешно?

– Еще бы! Так успешно, что от моих услуг Витя отказался, потому что нашел профессионалов за меньшую зарплату. Потом у него появилось еще одно издание, другое. Возник его издательский дом. Сейчас размах его уменьшился, потому что есть интернет-издания.

– Но «Светская жизнь» и в сети имеет немало подписчиков, – сказала Аня.

– Имеет, – согласился Старков. – Но интернет-издание отличается от печатного, которое просто пестрит заказными материалами жен каких-то не известных никому богатеев. Стареющие тетки с перетянутыми пластикой лицами пиарятся, фотографируются в шубах в комнатах с розовыми обоями... Кстати, у Сухотина в собственности есть и ночной клуб – не огромный, но популярный в некоторых кругах. Не был там ни разу, но, говорят, что там и стриптиз, и прочие прелести. Но это все лирика, по мне, так Витя человек не подлый, хотя со своими тараканами. Понятно, что деньги любит, но это по нынешним временам, как говорится, не порок...

Старков какое-то время помолчал, а потом предложил:

– Зашла бы как-нибудь в гости, Анечка. Адрес у меня все тот же. Не забыла, надеюсь? Поговорим обо всем. Ты в своей Америке совсем, видимо, отвыкла от нашей действительности. Кстати, приобрел тут альбом с фотографиями твоего мужа. Море, африканская саванна, прекрасные портреты... Очень талантливый человек был Марк. Так что заходи, если вдруг скучно станет.

Аня пообещала. Поговорить со Старковым, конечно, необходимо. Не только о Марке, разумеется. Говорить о муже было все еще тяжело.

Марк Хайден был богат. Преподавание не приносило ему особых доходов, но снимки его покупали различные издания, по многим странам путешествовали выставки его работ. Звезды экрана заказывали ему фотосессии. После смерти отца-автомеханика Марк получил в наследство дом в Рокфорде, штат Висконсин, автомастерскую и полтора миллиона долларов на банковском счете. Тогда-то он и приобрел небольшую, но роскошную моторную яхту, о которой давно мечтал...

Аня заставила себя сосредоточиться на работе. И за выходные смакетировала фотоальбом свадебных снимков. Получилось неплохо. Хотя с работой в «Светской жизни» наверняка придется расстаться. Надо искать новую, а где ее найдешь? Эту-то больше месяца искала, и если бы не Иван Иванович, искала бы по сей день.

А Старков, очевидно, продолжал о ней думать. Позвонил ей еще раз в середине дня и сообщил, что с нового учебного года почти наверняка удастся пристроить ее на кафедру старшим преподавателем, вести фотодело. Зарплата, правда, невелика, но ведь можно параллельно чем-то еще заниматься. Аня согласилась сразу, потому что, как оказалось, шлаться по чужим свадьбам с фотоаппаратом – не самое приятное дело.

Глава шестая

Сухотин внимательно просмотрел все представленные Аней фотографии, после чего сказал:

– Мне уже звонили несколько человек из присутствовавших на свадьбе и спрашивали, когда выйдет журнал. Дескать, их жены интересуются. Пришлось напоминать о трагическом финале. Так люди удивились: «Ну и что?» Один даже пообещал договориться с Красильниковым, которому наверняка все равно, ведь не его дочку убили. Если Леня согласится, то журнал издадим небольшим тиражом, разумеется, без инет-версии, продадим каждый печатный экземпляр тысяч за десять рублей. Для заказчиков это вообще не деньги. Так что окончательная прибыль может составить двадцать пять, а то и тридцать тысяч евро. Не бог ведь какой барыш, но курочка, как говорится, по зернышку клюет, но сыта бывает. А вообще-то вы отлично работали, Анна Михайловна. Фото высшего класса. При увеличении на лица некоторых господ видны даже поры и капельки пота.

– Аппаратура хорошая, – объяснила Аня.

– Скромничаєте! На всех снимках присутствует динамика, сюжет – жизнь, одним словом. Если номер выйдет, назовем его «Кровавая свадьба». Фильм был такой в стародавние времена. И текст составим в детективном ключе. Все участники, то есть все покупатели нашего журнала, почувствуют себя как бы участниками съемки блокбастера. Тем более что убитый Мирослав Лесневич был достаточно популярным актером. Актером плохим, разумеется, но красавцем, и девочкам нравился до пороснячьего визга.

Он замолчал и после паузы заговорил о другом:

– Я вам по телефону сообщил, что у меня есть идея. Так вот, а что, если мы на страницах нашего скучноватого издания заведем постоянную тему: журналистское расследование? Я не про данное убийство, а вообще. Ведь сколько в высшем обществе вертится непонятных людей с капиталами, и никто не знает, откуда взялись у этих людей капиталы. Вроде не бизнесмены, не чиновники, а у них «Роллс-Ройсы», особняки, зарубежная недвижимость... Как вам такая идея?

Аня пожала плечами. Виктор Константинович воспринял это как согласие и воодушевленно продолжил:

– Мне эта идея самому очень нравится, и я готов поручить новое направление именно вам. Думаю, у вас получится, вы же и диплом об этом писали.

– Диплом это одно, а практическая деятельность другое – я же не частный детектив, – возразила Аня.

– Поможем. Главное начать, как говорил когда-то незабвенный Михаил Сергеевич Горбачев. Так что не бойтесь.

Они разговаривали в огромном кабинете генерального директора, сидели, как и в прошлый раз, в креслах.

– Поможем, – повторил Виктор Константинович. После чего достал из кармана мобильный и набрал номер: – Леня, это Сухотин. Мои соболезнования. Твоя дочь переживает, вероятно, а я тут...

Он замолчал, слушая, что ему отвечает Красильников.

– Ну, ладно, если ты считаешь, что это необходимо, то я все сделаю.

Закончив разговор, гендиректор взглянул на Аню:

– Ну, все, как я и предполагал. Леня Красильников без моих намеков самолично попросил не откладывать работу над номером.

– Странно, – удивилась Аня. – Такая трагедия на свадьбе дочери произошла... Обычно подобное пытаются скрыть.

– А чего скрывать, если все и так про это знают? Красильников – мужик хваткий и не прочь лишний раз попиариться. Теперь даже те, кто не слышал о нем ни разу, будут говорить: «А, это тот самый, у которого зятя на свадьбе застрелили».

Сухотин замолчал, ожидая реакции Ани, но она ждала, что еще скажет шеф.

– Если честно, то я думал, что Красильников снимет заказ на публикацию, – продолжил гендиректор. – Но вы же слышали: он сам хочет сделать то, о чем мы собирались просить. Объясняет, что и ему уже звонили и спрашивали про журнал. Даже убитая горем дочка требует: якобы она там хорошо должна получиться в свадебном наряде. Кристина, по словам Лени, не особенно переживает. Ее, оказывается, пообещали пригласить для участия в съемках какого-то фильма, и она больше озабочена, как бы похудеть для роли. Похоже, что настоящие переживания только у Лесневича-старшего. Сына, как-никак, убили. И так у него в последнее время дела не очень хорошо идут, а тут еще на свадьбу потратился. Хотя, как мне кажется, Красильников потратился больше. Но Леня все-таки при дочке остался. То есть дочка при нем.

Виктор Константинович задумался, после чего произнес уже деловым тоном:

– За неделю надо номер сделать. Вы уж напишите текст в том стиле, который мы с вами вместе выбрали. Отберите снимки и отдайте ответственному секретарю. Он макетик набросает, вставит рекламные полосы. А то что такое тридцать тысяч! Да и вам гонорар увеличить необходимо. Если все срастется у нас, получите за снимки и за текст – три тысячи евро. Хотя с вашими бывшими гонорарами это, я думаю, и сравниться не может. Или больше вы хотите?

– Вполне устраивает, – согласилась Аня. – За неделю работы – неплохие деньги.

– И я так думаю.

Сухотин был спокоен, как будто ничего страшного не случилось, невозмутимо подсчитывал прибыль.

– Как вам наш офис? – вдруг неожиданно поинтересовался Виктор Константинович. – Впечатляет?

– Мне он кажется странным, – честно ответила Аня. – Американцы используют каждый метр площади, экономят на аренде, на отоплении, на электричестве...

– А зачем мне экономить? Все эти площади принадлежат мне. И потом, это вам только кажется, что они пустые, а когда нужно, тут очень много народу собирается. Здесь проходят пресс-конференции, журналистские семинары. Наш издательский дом учредил журналистскую премию, и здесь же она вручается. Очень солидная и престижная премия – «За честность и объективность». Не слышали разве?

– Нет, – призналась Аня.

– Красивый офис – такое же лицо фирмы, как аппетитная попка секретарши. Вы уж простите мне это грубое сравнение. Но мы – солидное предприятие. Наш издательский дом выпускает почти десяток глянцевого журналов. Помимо «Светской жизни» еще и «Автосалон», «Кэт», «Флирт», «Фитнес боди»... Знаете, наверное?

– Разумеется, – ответила Аня, хотя никогда не видела этих журналов.

Сухотин продолжал рассказывать о своей фирме, а она не понимала, почему вдруг он вообще завел этот разговор. Кто такая Аня Игнатьева, чтобы говорить с ней об этом, расхваливать фирму? Наемный работник, который пока еще ничем не отличился. Разве что она дочь известного экономиста-теоретика. Не рассказывать же каждый раз, что с восьми лет не живет с отцом, что их разделяли разные города, а потом и вовсе семь лет разделял океан.

Мама только-только начинала работу на ленинградском телевидении, когда началась перестройка. Вокруг все заговорили о новом мышлении, о демократизации. И тогда молодая журналистка решила взять интервью у профессора экономики, который недавно вернулся из ссылки, куда был отправлен за свои публичные лекции. Отправили его в Астрахань без права

преподавания. В Астрахани он работал истопником в котельной. Но время изменилось, о нем вспомнили и вернули.

Телевизионное начальство сразу согласилось отправить съемочную группу во главе с молодой журналисткой в Москву. Толпой нагрянули домой к бывшему диссиденту, дверь им открыл молодежавший сорокалетний мужчина в джинсах и в майке с портретом Горбачева. Как выяснилось потом, майку он надел специально для камеры.

Молодая журналистка растерялась тогда, потому что ожидала увидеть убежденного сединами мудреца вроде Василия Леонтьева или Адама Смита. Интервью получилось длинным и больше напоминало монолог.

Передача прошла по ленинградскому телевидению, потом еще по центральному каналу, вызвала, как тогда говорили, широкий общественный резонанс. Михаил Васильевич Игнатьев говорил много. Что нужно что-то менять, но необязательно отказываться от коммунистической идеологии, потому что коммунизм и социализм не являются двумя фазами одной общественной формации. А в СССР, по сути, не социализм, который присутствует определенно в Швеции или в Германии.

Профессор говорил, а молодая журналистка благоговейно внимала.

«У нас – государственный капитализм, потому что все средства производства принадлежат государству и каждый участник производственного процесса не является собственником или акционером своего предприятия, не может продать свои акции или пополнить пакет, не получает дивидендов по итогам деятельности фирмы, а только зарплату – почасовую или сдельно-премиальную. Социализм как система социальной защищенности трудящихся – вещь очень хорошая, и в СССР многого добились в этом направлении. Теперь надо развивать все это. Но для начала следует...»

Мама влюбилась сразу. Вернувшись домой, только и думала, как бы снова попасть в Москву, даже к начальству пошла с идеей для нового интервью, но ей сказали: «Все! Хватит! Гласность, конечно, хорошо, но всему должны быть пределы!»

Мама очень переживала, но профессор Игнатьев позвонил сам, сказал, что хотел бы встретиться, но не для того, чтобы под камеры что-то говорить, а наоборот... И через день приехал в Ленинград. Они провели вместе три дня, гуляли по городу, много разговаривали на разные темы. Вечером он провожал будущую жену домой и возвращался в гостиницу. А перед своим отъездом признался в любви. Со свадьбой решили не тянуть. Молодая журналистка переехала в Москву, где у ее мужа была кафедра.

Вскоре родилась Аня. Дела Михаила Васильевича шли в гору, и новый президент свободной России пригласил Игнатьева в свою команду для разработки экономической модели развития. Но потом все изменилось: Ельцин отказался от его услуг, поверив молодым экономистам, которых тут же окрестили «младореформаторами». Началась инфляция, перебои с продуктами... Игнатьевы жили, как и все. Михаил Васильевич мог уехать за границу, куда его приглашали, но он отказывался, словно выжидая чего-то. Дождался лишь одного: молодая жена забрала дочь и вернулась в родной город, сменивший название на Санкт-Петербург.

К отцу Аня приезжала часто: каждые каникулы проводила в столице. Но в Москве ей было немного скучно, из всех развлечений отец мог предложить ей только музеи, а друзей Аня в Москве не завела.

Когда Аня училась в старших классах, у мамы появилась новая личная жизнь. Она вышла замуж за удачливого бизнесмена, от которого, впрочем, фортуна вскоре отвернулась, и он разорился. На остаток средств Анин отчим приобрел домик под Валенсией, куда и уехал с женой. Аня тогда училась на первом курсе и в Испанию перебираться отказалась.

Глава седьмая

После встречи с Сухотиным Аня вернулась домой и сразу принялась за работу. Рассматривая фотографии со свадьбы в очередной раз, она невольно задавалась вопросом: кто же застрелил жениха? Все гости были вполне обыкновенными, мужчины были увлечены какими-то разговорами, распитием напитков, они обнимали своих спутниц и незаметно разглядывали молоденьких соседок, женщины кокетничали, веселились, болтали. Не было никого, кто бы с неприязнью смотрел в сторону жениха...

Неожиданно позвонил отец и сообщил, что он стоит на вокзале, так как прибыл на экономический форум и не знает, куда ему сейчас двигаться: то ли в гостиницу, то ли прямо к дочери.

– Не думай даже про гостиницу! Я тебя жду, – ответила Аня.

И поспешила на кухню, приготовить что-нибудь на ужин.

Как выяснилось, отца пригласили не для выступления, а для участия в обсуждении доклада премьер-министра об экономическом положении страны. С текстом доклада он ознакомился еще в Москве и не хотел ехать, потому что обсуждать глупости не имеет смысла. Но потом подумал, что этот форум – хорошая возможность навестить дочь за казенный счет.

Михаил Васильевич прошел в гостиную, увидел на столе раскрытый ноутбук и несколько распечатанных снимков.

– Над чем сейчас работаешь? – поинтересовался он.

– Для журнала одного делаю репортаж о свадьбе дочери местного олигарха. На этой свадьбе убили жениха...

– Здорово! – обрадовался папа. – То есть печально, конечно, но интересно. У тебя появилась возможность побыть в шкуре Агаты Кристи.

– Как раз исследованием сейчас и занимаюсь, – вздохнула Аня. – Но только у Агаты Кристи не было такого, чтобы сразу около двухсот подозреваемых.

– Да какая разница – сколько? – воодушевленно воскликнул отец. – Так еще интереснее. Ты знаешь детскую загадку про трамвай?

– Нет.

– Старая загадка, еще из моего детства. Едут в трамвае десять пассажиров. На остановке трое вышли и двое вошли. Сколько стало людей в трамвае?

– Девять, – неуверенно ответила Аня, не понимая, в чем подвох.

– Двенадцать! – улыбнулся Михаил Васильевич. – Потому что один из вышедших вернулся, а в вагоне находились еще вагоновожатый и кондуктор. Сколько всего людей присутствовало на той свадьбе?

– Около двухсот гостей приблизительно. Не знаю наверняка, но полторы сотни точно.

– А ведь еще были люди из обслуживающего персонала, родители жениха и родители невесты. У тебя есть много данных. Есть снимки, память твоя тоже что-то хранит. Кто-то уехал к тому времени... Хотя кто-то мог и вернуться. Понятно, что само убийство ты не запечатлела, но точно знаешь, когда оно произошло, а значит, сотню, а то и полторы сотни подозреваемых можно отсечь сразу. Видеосъемки производились, ведь так? Значит, есть дополнительный материал для расчета. А если мы узнаем о взаимоотношениях покойного с ближайшим окружением, если вдруг выяснится, что у него были неприязненные отношения с кем-то из них... Может, для кого-то он представлял угрозу? Его экономические связи мы должны выяснить: долги, обязательства, подлые поступки. А самое главное, узнай, почему его убили именно на свадьбе, а не в каком-то укромном уголке за гаражом. Что за срочность такая? Зачем убивать там, где это сделать практически невозможно? Столько свидетелей, и вообще случайный

взгляд, кем-то брошенный, может помешать задуманному... Расскажи, что тебе известно, а я поразмышляю над этим во время доклада премьера.

Рассказывать было особенно нечего, но Михаил Васильевич слушал внимательно, разглядывал фотографии, на которых он даже узнал кое-кого. Назвал фамилии и дал характеристики этим людям...

– Это Обнорский – финансовый спекулянт. Подленький человечиска и большой трус. Но от дел давно отошел. А это Горовец – при делах, но всем занимаются его подчиненные, а сам он не вникает особо, увлечен политической деятельностью. Безуспешно пока, а в дальнейшем будет еще хуже. Но деньги на свою политическую активность откуда-то достает, пока есть заказ. На убийство не пойдет, потому что с убитым вряд ли был знаком. Но ты проверь... Маклаков, который инвестирует в разные проекты с участием государства – туда, где можно отщипнуть. Этого я знаю только в лицо, какой-то чиновник местный, а раньше был вице-губернатором где-то... Там были какие-то скандалы...

– Возможно, следует проверить, был ли у убитого соперник, желавший жениться на дочери олигарха? Может, девушка уже с кем-то встречалась и обнадеживала другого? – предложила Аня.

– Это самое примитивное решение, но не значит, что такого не может быть, – согласился отец. – Проверь. Хотя наверняка так думает и полиция. Кстати, у тебя есть возможность переговорить со следователями?

Утром отец уехал рано. Аня проводила его до дверей и собралась сесть за компьютер поработать, когда раздался телефонный звонок.

– Это капитан юстиции Тарутин, – представился звонивший. – Мы с вами общались по поводу убийства на свадьбе. А потому сразу еще раз прошу прощения за мой тогдашний тон. Я почему-то решил, что вы одна из этих... в смысле гостей.

– Так я и в самом деле была приглашена. Только меня пригласили еще и поработать немного.

– Но все равно простите. Звоню вам по делу. Меня включили в состав оперативно-следственной группы, я должен поработать со всеми видео- и прочими фотоматериалами на предмет установления, кто, где, когда, с кем. А поскольку вы отдавать снимки отказались...

– Я отказалась отдавать не снимки, а камеру, – напомнила Аня. – Но сейчас готова предоставить вам все, что успела отснять. У вас же наверняка есть ко мне и другие вопросы. Так что подъезжайте и побеседуем. Записывайте адрес.

Пришлось снова откладывать работу и ждать следователя. Позвонил отец и сообщил, что сейчас на форуме перерыв, а вообще там очень весело, хотя все внимательно доклад премьера слушают и никто не смеется.

– Если будут новости о том убийстве, – заканчивая разговор, сказал Михаил Васильевич, – держи меня в курсе, сбрасывай мне текстовые сообщения на телефон.

К полудню подъехал капитан Тарутин. Он долго вытирал ноги о коврик перед входной дверью, потом вошел и с любопытством оглядел скромную квартиру Ани.

– Все, что может заинтересовать следствие, я скинула на флешку и готова ее отдать, – сказала Аня.

– Спасибо, но лучше я здесь посмотрю, – ответил капитан, – вдруг у меня будут вопросы.

И он расположился возле компьютера, но вопросов не задавал, смотрел молча. У Ани сложилось впечатление, что он специально нашел повод, чтобы задержаться. Она присела на диван и включила телевизор. На экране появилось задумчиво-деловое лицо чиновника из Министерства финансов.

– Инвестиции в экономику страны снизились практически до нуля по сравнению с предыдущим периодом. Но мы в тренде, и это должны знать все. Сейчас мы как раз занимаемся таргетированием...

– Вы были вместе с режиссером Летягиным, – обратился к ней капитан, – но в то время, когда был убит Лесневич, вашего спутника рядом с вами нет. Когда он вернулся за стол?

– Перед началом салюта, – ответила Аня, хотя точно не была уверена в этом, вполне возможно, что режиссер подсел, когда уже прозвучали первые залпы.

– Оба оператора, работавшие на свадьбе, не зафиксировали время возвращения вашего спутника, какое-то время вы сидели одна. Что Летягин говорил, когда покидал вас?

– Сказал, что по берегу залива пройдет. Звал меня с собой, но я не могла: работа, сами понимаете.

Тарутин показал на монитор компьютера, где он увеличил снимок: Лесневич-младший обнимался с другом, рядом стоял еще один парень и смотрел на невесту.

– Знаете этих людей?

Аня покачала головой.

– Тот, кого обнимает Мирослав Лесневич, его ближайший приятель Семен Лисовой, второй – Денис Казанов, – объяснил Тарутин. – У обоих, по слухам, в разное время были отношения с невестой. Мы поговорили с подружками невесты, и те рассказали очень много интересного. Даже слишком много. Например, они сообщили, будто Красильникова вела беспорядочную... Как бы сказать помягче...

– Скажите так, как говорили ее подруги.

– Это, пожалуй, слишком, – смутился полицейский. – Но, мне кажется, вы поняли, что имели в виду эти подруги. Среди ее связей, как я и сказал, были оба эти приятеля Лесневича. Денис Казанов, говорят, был увлечен не на шутку и даже преследовал девушку, предлагал ей выйти за него.

– А Мирослав знал об этом?

– Говорят, что знал, но относился спокойно. Хотя они с Денисом однажды даже подрались в каком-то клубе. Схватились, но их растащили. Потом они вместе весь вечер выпивали и даже уехали вместе. После чего конфликтов вроде не было. Но, возможно, у девушки были и другие... как бы помягче...

– Бойфренды, – подсказала Аня.

Тарутин кивнул и, помолчав, продолжил:

– На нашу беду, народа на свадьбе было очень много. Мы попросили каждого указать на плане, где он сам находился в момент убийства и кто был рядом с ним. Практически все показания совпали. Отснятый операторами материал подтверждает эти показания. Кое у кого мы проверили руки на присутствие микрочастиц порохового заряда, остающихся после выстрела, от которых не избавиться несколько дней. Все чистые. Проверили также и персонал – такой же результат. Но с десяток человек остались не охвачены: они-то и попадают под подозрение. Среди них ваш приятель Летягин.

– Он мне не приятель, просто мы вместе прибыли на свадьбу, а потом вместе оттуда уехали.

– В ту ночь вы поехали сразу к себе домой? – поинтересовался капитан.

– Естественно. А куда же еще? Я поехала домой, в эту квартиру, а Летягин – в отель. Он останавливался в «Астории».

– Дорогое заведение.

– Меня будете проверять на наличие пороховых частиц? – спросила Аня.

– В этом нет нужды. Все вас видели, то есть видели, как вы работали и никуда не отходили.

– А тех не в меру разговорчивых подружек проверяли?

– Нет. Но, кстати, они не все разговорчивые. Одна сразу сказала, что отвечать не наши вопросы не будет. А мы настаивать не стали. Потому что у нее папа вице-губернатор.

– Колобов, – догадалась Аня.

Тарутин кивнул.

Он продолжал рассматривать фотографии, а на экране телевизора появился отец. Аня сделала звук погромче.

– Инвестиции, конечно, хорошо, – говорил с экрана профессор Игнатьев. – Только нужны ли они нам? Инвестиции биржевых спекулянтов разрушают нашу экономику. Вот, предположим, некий господин завез в Россию сто миллионов долларов и поручает уполномоченному банку купить ему акции российских предприятий. Что банк и делает – покупает акции за рубли. А через день продает их на бирже в Лондоне какой-нибудь конторке с Каймановых островов, но уже за доллары. Курс доллара за эти пару дней вырастает, рубль падает – рублевые активы, естественно, обесцениваются. Доллары возвращаются инвестору с еще большей эффективностью. После этого приобретаются акции другого российского предприятия, заранее заведомо заниженные в цене. Уполномоченный банк получает свои проценты от сделки, сто миллионов долларов превращаются в сто десять, не считая маржи. Я бы и сам с удовольствием взял на Западе кредит под три процента годовых, чтобы получить за месяц сто двадцать процентов прибыли без уплаты налога на прибыли, как резидент далекого острова... А то, что островитянин и инвестор, хотя и разные юридические компании, на самом деле есть одно и то же физическое лицо, никого не волнует. К инвестициям в нашу экономику это не имеет никакого отношения. Наша страна беднеет и разворачивается самым примитивным способом...

– Какой умный человек! – восхитился Тарутин, взглянув на экран телевизора. – И ведь как доходчиво объясняет.

На экране появился титр: «М. В. Игнатьев – член-корреспондент РАН».

– Ваш родственник? – догадался капитан, взглянув на лицо Ани.

– Это мой отец.

– Для того чтобы поднять экономику, нужно создавать проекты, направленные... – продолжил Михаил Васильевич.

Но трансляция внезапно прервалась и появилась улыбающаяся девушка-диктор:

– А теперь прямое включение в святая святых форума...

Но снова появился отец:

– Деньги для этого есть. Во-первых, денежная масса, находящаяся в обращении, едва достигает шестидесяти процентов от валового оборота. Это делает деньги дорогими и труднодоступными, а потому позволяет банкам поднимать стоимость кредитов на высоту, запрдельную даже для средневековых ростовщиков. Получается, что вся экономика страны, все люди – участники экономического процесса – существуют лишь для того, чтобы хорошо жилось банкам. Успешное производственное предприятие на своих деньгах имеет пятнадцать-двадцать процентов годовой прибыли. И это хороший показатель. А банк на привлеченных чужих деньгах получает двадцать пять – тридцать и при этом жалуется, что ему мешают работать. Банки, не участвующие в финансировании важных для страны производств, должны быть закрыты, к чертовой матери, или поставлены в такие условия, при которых им будет невыгодно брать у западных спекулянтов под три процента и предлагать эти деньги заемщикам в качестве потребительских кредитов под тридцать – тридцать пять. Но это не самое главное...

Наконец появилась другая картинка. Премьер-министр, утопая в кресле, беседует с двумя господами. Звука не было, а женский голос за кадром произнес:

– В кулуарах экономического форума руководитель правительства провел встречу с представителем швейцарских деловых кругов, председателем правления банка...

Это Ане было неинтересно, и она выключила телевизор.

– Моя мама тоже взяла кредит, – вздохнул Тарутин. – Мне на машину не хватало, и она сказала, что у нее есть накопленные сто тысяч рублей, ну я и согласился. А потом захожу к ней, вижу: грустная она какая-то. Потом пикает телефончик: сообщение пришло. Потом еще звонки раздаются. Мама смотрит на номер, но не отвечает на вызов. Я поймал момент, когда ее не было, и проверил, кто ее вызванивает. Посмотрел входящие. Оказалось, что звонит и сообщения отправляет некое коллекторское агентство. И такие угрозы в тех посланиях, что я не выдержал. Перезвонил им сам. Назначил встречу. Чуть до драки не дошло. Но когда при них набрал номер приятеля и приказал тому немедленно брать группу захвата и мчаться в офис коллекторов, чтобы найти там оружие, наркотики, фальшивые купюры, экстремистскую литературу...

– Претензии к вашей маме сразу сняли?

– Да. Остававшиеся по договору восемьдесят тысяч я отдал, а от процентов они сами отказались. А там такие проценты были! Да еще за каждый день просрочки платежа процент от общей суммы договора добавляли.

– Повезло вашей маме, – сказала Аня. – Но ведь не у каждой такой мамы сын в полиции служит. Да и жене вашей тоже повезло.

– Я не женат, – тут же признался полицейский, – и в ближайшее время, судя по моей загруженности на работе, жены не предвидится.

Он посмотрел на свои часы и удивился:

– Третий час уже! Как время пролетело!

Капитан Тарутин поднялся.

– А можно мне видео со свадьбы посмотреть? – спросила Аня. – Я же вам снимки показала.

Он задумался и произнес:

– Не знаю. То есть не знаю теперь, когда смогу подъехать. Вообще-то это видео не моя собственность и вообще у нас так не принято.

– Так я же там была и сама все видела. Свои снимки я вам предоставила.

– Но я не могу сегодня подъехать.

– Отправьте через интернет, – предложила Аня.

Тарутин пообещал.

После его ухода Аня принялась, наконец, за работу, но сосредоточиться не могла: набирала текст, а в голове крутилось «Летягин, Летягин!». Как она раньше не сопоставила, что режиссера в тот момент не было рядом, а когда он вернулся, то показался ей немного возбужденным.

Рядом с компьютером лежала визитка, оставленная полицейским.

Тарутин Николай Андреевич.

А ведь капитан Тарутин тоже подозревает Летягина. «Странно, – подумала Аня, – он приехал ко мне за снимками, которые я сделала на свадьбе, начал рассказывать о подружках невесты, делиться сплетнями. А как же тайна следствия? Неужели он считает, что мне известно больше, чем ему, и таким образом пытался вывести меня на какие-то признания? Вроде того, что откровенность за откровенность. Он явно не спешил уходить, хотя вроде и обсуждать-то уже было нечего. А может, я ему понравилась и он просто хотел завязать знакомство, но не решился? А еще говорил, что не может подъехать сегодня. Неужели рассчитывает на какое-то продолжение? Вообще, если не принимать во внимание его профессию, этот капитан выглядит привлекательно и даже кажется немного застенчивым... Лучше об этом не думать».

Она полезла в репортерскую сумку. Достала визитку той девушки, влюбленной в Такедо, которого весь мир знает как Киото Катани.

Девушка отозвалась почти сразу.

– Да, – произнесла она очень тихим голосом.

– Валя, здравствуйте! Это Аня, мы разговаривали на свадьбе Кристины.

– Да, – повторила девушка.

– Мы говорили о Киото Катани, и я забыла сказать, что название мужских духов «Иттэ кимас» переводится как «Я ухожу, но вернусь», а женские «Ива юри» можно перевести как «каменная лилия» или «лилия из камня».

– Там даже флакончик в виде цветка, – перешла на обычный голос девушка. – Как это все романтично! Ты так много знаешь! Давай встретимся. Прямо сейчас, если не возражаешь. Можно у меня или в баре, который в моем доме на первом этаже. Бар очень уютный, и там знают, кто мой папа, а потому посторонних не будет. Бар называется «Старый боцман».

– Так это через дом от меня! – удивилась Аня.

– Ну, тогда через полчаса встретимся. Успеешь?

Глава восьмая

В помещении бара и в самом деле никого не было. Не хотели впускать и Аню, но дочь вице-губернатора помахала рукой, и дверь открыли.

Валя Колобова поцеловала ее в обе щеки, как давнюю подружку и объяснила, что полчаса потребовалось, чтобы убрать отсюда посетителей. Затем махнула рукой бармену.

– Леша, сделай нам по коктейльчику. Мне флипсайд, как обычно, а моей подруге...

– Дайкири.

Бармен улыбнулся и кивнул:

– У вас изысканный вкус, мисс.

– Я после этой дурацкой свадьбы всего боюсь, – призналась Валя. – Страшно даже на улицу выйти. Спасибо, что вытащила меня.

Аня никого и не вытаскивала. Наоборот, Колобова сама предложила встретиться здесь, но спорить Аня не стала.

– Страшно, конечно, – согласилась она. – А уже известно, кто это сделал и зачем?

Валя помотала головой и тихо сказала:

– Никто ничего не знает.

– А что хоть говорят?

– Ничего, – прошептала Валя.

– Но ведь тебе кое-что известно, – осторожно начала Аня.

Колобова сжалась, явно колеблясь.

Подошел бармен с подносом, на котором стояли коктейльные стаканчики. Аня поблагодарила его, а когда молодой человек отошел, посмотрела на испуганную девушку и шепнула:

– Никто не слышит.

– Знаю, – нагнувшись над столиком, очень тихо призналась Валя.

Она снова обернулась.

– Это сделал режиссер Летягин. Стопудово это он! А у тебя с ним роман?

– Нет, – поспешила заверить Аня. – Мы едва знакомы, его просто попросили меня сопровождать.

– Ну ладно, тогда скажу. Дело в том, что у Кристины Красильниковой был роман с этим Летягиным. Я не знаю точно, сколько раз они там... Но было. А потом они встретились в «Астории», как раз перед свадьбой. У нас был девичник, Кристина при мне ему позвонила, спросила, в каком он номере, и пообещала приехать. А потом взяла такси... Но она уже была такая пьяная.

– А Мирослав знал?

Валентина еще раз обернулась посмотреть в сторону стойки.

– Про «Асторию» он не знал, может быть. А про то, что Летягин спал с Кристиной раньше, однозначно ему было известно. Но он тогда сам за мной бегал. Но у нас не было ничего.

– А Денис Казанов за Кристиной бегал?

– Ну да, – закивала Валя. – Она даже обещала ему, что выйдет за него, а потом через два дня сказала, что передумала. При всех сказала.

– А Семен Лисовой?

– Ну, это когда было! С Сеней они просто дружили одно время. Ну, разумеется, переспали пару раз. Хотя и не знаю точно, но для Кристинки это не проблема. А Денис тот вообще вцепился в Кристинку, как бультерьер. Он даже драться полез к Мирославу...

– А с кем встречался Мирослав до Кристины?

– С разными, – попыталась уйти от ответа Валя. – Со мной встречался. Но мы с ним не особенно долго встречались, потому что он уже в те времена, когда напивался, невыносимым

был. Но что мы о них да о них? Убийца – Летягин, я тебе точно говорю! Дело в том, что Мирослав не особенно ревнивый был. А к Летягину почему-то ревновал. Вероятно, потому что по своим киношным делам чего-то не поделили. К тому же они тоже дрались, и опять на моих глазах.

– Лесневич с Летягиным? – не поверила Аня. – Когда это было?

– Год назад, на съемках. Мы тусили всей толпой, а потом Лесневич предложил поехать и посмотреть, как кино снимают. И мы все рванули на съемочную площадку. Летягин как увидел, стал нас гнать. Мирослав пошел разбираться. А потом режиссер ему раз-раз по животу, Славик упал, мы его подняли и сразу увели.

– И он так молча ушел, не сопротивляясь?

– Нет, конечно. Кричал, что Летягин больше не снимет ни одного фильма и что устроит ему веселую жизнь. А Летягин ответил: «Устроишь, если доживешь!»

– Из вашей компании, с которой ты тусила постоянно, все присутствовали на свадьбе?

– Практически все. Там были еще какие-то парни, с которыми Мирослав в школе учился. Тех ребят я не видела раньше. Но они совсем простые. Мы даже не разговаривали с ними. Я еще видела, как один из них бутылку со стола стащил и во внутренний карман пиджака спрятал. О чем с такими говорить?

– То есть у Лесневича были конфликты только с Денисом, с Летягиным, и все?

– Он еще с Сеней ссорился.

– С Лисовым?

Валя кивнула.

– И с Гацканом. С Гацканом даже больше. Дело в том, что Гоша... Это конечно, тайна, но тебе можно сказать. Он кокаином Лесневича снабжал. И других – кто попросит. Но другие иногда брали, а Мирослав постоянно нюхал. Говорил, что у него голова сразу проясняется и усталости нет.

– Брал кокс в долг, но не всегда отдавал вовремя? – догадалась Аня.

Колобова кивнула.

– Родители его знали, что он на кокаине сидит?

– Его отец знал – стопудово.

– А папа Красильниковой?

– Не знаю, но он иногда посылал своих людей поглядеть, как мы отрываемся в клубах. Может, догадывался, но Кристинку от этого брака не отговаривал. А вообще Кристинка ему соврала, что любит Мирослава.

– А на самом деле?

– Мне кажется, она никого не любит. Но я думаю, что ей нравился Летягин. Лесневич как мальчик вел себя, а Летягин – мужчина. Ее всегда тянуло к мужчинам.

– И со многими мужчинами у нее были связи?

Валентина хихикнула и кивнула:

– Наверняка. Она даже говорила, что лучше, когда тебя ценят. Мужчины ей подарки всегда делали. А мальчики, по ее словам, хотят на халяву. Она даже шутила, что любовь придумали очень жадные люди, чтобы не платить за секс.

– Так, может, она просто выдумывала это все? – предположила Аня.

Валя задумалась.

– Не знаю. Приврать Кристинка, конечно, любит. Всегда говорила, что мужики от нее тащатся. А с чего там тащиться? Ты ведь сама ее видела.

– Мужчины, о которых она говорила, присутствовали на свадьбе?

Колобова кивнула:

– Обнорского видела. С Горовцом у них что-то было. Кто-то еще, но фамилии всех не помню. Если она не врет, конечно. Но она с ними на своей свадьбе не разговаривала и даже

не здоровалась. А потому, наверное, врал. Но если ты их подозреваешь, то напрасно. Я же тебе сказала, кто это сделал.

Валя допила свой коктейль и махнула рукой бармену:

– Леша, повтори. – И посмотрела на Аню: – А ты чего не пьешь? Кстати, а что пьет Киото Катани?

– Воду. Обычную, без газа.

– Тяжело с ним будет. А у него девушка есть?

– Теперь не знаю. Раньше не было. Но могу тебя уверить, что он не гей.

– Ну, это ладно... То есть это хорошо.

После этого разговор шел только о японском модельере.

Валя Колобова выпила три коктейля, ее заметно повело. Аня проводила ее до подъезда, и, расставаясь, новая подруга полезла к ней с объятиями.

– Давай сегодня в клуб съездим. Надо же развеяться.

– У меня работа, – попыталась отговориться Аня.

– Плюнь на нее! И вообще, зачем тебе работать? Живи, как все, и радуйся.

Глава девятая

Отец был уже дома. Он обнял дочь и принялся.

– Чем от тебя пахнет?

– Встречалась со свидетельницей, она лезла обниматься. Так что ее духи на мне. Это, кстати, японские «Ива юри».

– Хороший запах, очень похожий на запах долины лотосов под Астраханью. Плынешь днем, а вокруг все в розовых цветах. Стебли у них длинные. Достанешь из воды – метра по два каждый. И запах, конечно, такой, что голова кругом идет. А вечером, когда с рыбалки возвращаешься, бутоны уже закрылись, но запах остается. Еще там пеликаны плавают: такое ощущение, что находишься не в России, а где-то в Древнем Египте. Хотя запах, который к тебе прилип, мягче и в нем нет таких лекарственных ноток, которые в запахе природного лотоса присутствуют.

– Как проходит форум? – поинтересовалась Аня.

– Весело. А когда начнутся фуршеты, будет еще круче. Кстати, видел там людей с твоих фотографий: вице-губернатор и еще какие-то...

Аня прошла в комнату, заглянула в компьютер. Писем и сообщений никаких не пришло. На столе лежала карточка капитана Тарутина. Она набрала номер:

– Николай Андреевич, вы мне что-то обещали.

– Помню, но пока я не дома. Когда доберусь до домашнего компьютера, сразу отправлю видео.

– Ну, так вот, – продолжил отец, – видел этих людей и не заметил на их лицах особой грусти.

– А им-то чего...

Михаил Васильевич помолчал, а потом вдруг спросил:

– Анечка, ты мне не доверяешь?

– В каком смысле? – не поняла Аня.

– Уже почти два месяца ты здесь, а не говоришь, почему уехала из Штатов. Понятно, что поссорилась с Марком... Меня, конечно, интересует причина разлада, но можешь не говорить, если считаешь, что это не мое дело. Я беспокоюсь за тебя. Ты получаешь здесь новый паспорт, берешь уже не фамилию матери, которая была у тебя прежде, а мою... Значит, что-то все-таки случилось?

– Расскажу. Только не сейчас, – пообещала Аня.

– Хорошо, – согласился отец. – Послушаю. Если доживу. Мне уже семьдесят – не забывай.

– Ты у меня самый молодой, – засмеялась Аня и обняла отца.

Сейчас рассказать ему все казалось самым правильным решением. Но в тот момент, когда она почти решила начать разговор, зазвонил телефон.

– Как ваши дела, Анечка? – Сухотин впервые назвал ее так. – Есть что-нибудь новое?

– Фотографии отобрала, работаю с текстом. За неделю управлюсь, – отчиталась Аня. – Сегодня встречалась с Валентиной Колобовой.

– Да? – удивился генеральный директор. – Что-то важное узнали по нашей теме?

– Узнала, однако сомневаюсь, стоит ли ее откровения воспроизводить в журнале.

– Нужно обязательно. Наш формат предполагает именно это. Скандалы и смелые откровения – главный смысл профессионально сделанных гляцевых журналов. Именно такие материалы и придают гламуру особое очарование. Сдадим в типографию номер, и вам сразу выдадут аванс – половину от обещанной мною суммы, а после выхода тиража оставшуюся часть. Наша гламурная общественность проявляет большой интерес к будущему номеру.

Аня услышала гудки еще одного вызова, пробивающегося к ней. Посмотрела на экран телефона.

– Виктор Константинович, мне звонит полицейский следователь.

– Да-да, поговорите с ним, выведите, как можно больше. Хорошо бы было, чтобы они убийцу поймали к выходу номера. Хотя это необязательно. Лучше, чтобы потом поймали, а мы бы второй номер на эту тему выпустили. Представляете?! «Кровавая свадьба-два». Поговорите со следователем, узнайте у него подробности. – И Сухотин сбросил вызов.

Но Тарутин не стал ждать, когда она откликнется, и тоже сбросил вызов. Аня сама набрала его номер.

– Только что вошел домой, – доложил капитан. – Отправлю вам видео, которое обещал. И у меня к вам вопрос, меня интересует кое-что из вашей жизни. Интересует с профессиональной точки зрения. Это не допрос. И вы не обязаны отвечать...

– Спрашивайте.

– Дело в том... Не знаю даже, как спросить, но я решил вас проверить. Ведь вы прибыли из Штатов пару месяцев назад. Паспорт российский у вас был сохранен, но вы решили сменить фамилию...

– А что в этом странного? Была Хайден, а теперь решила носить фамилию не мужа, а отца, которого уважаю и люблю.

– В этом ничего особенного, конечно же, нет. Но от ФБР поступил запрос на ваш розыск, как гражданки США, по обвинению в причастности к распространению материалов порнографического характера. А также по подозрению в причастности к убийству мужа. А также за хранение наркотиков... Вы в курсе, что ваша американская квартира в ваше отсутствие была вскрыта, и там был обнаружен кокаин, довольно большая партия?

– Нет, не знала, – растерялась Аня. – Да и откуда там взяться кокаину? А к порнографии какое я имею отношение? Глупость какая! А мой муж – профессор Марк Хайден, действительно пропал. Поэтому я уехала оттуда. Хотя не потому. Просто Марк приказал мне немедленно уехать, потому что подозревал что-то...

Аня замялась, поняв, что проговорила, а потому очень неуверенно попыталась объяснить:

– То есть ему показалось, что мне, то есть нам, может угрожать какая-то опасность, только...

Она замолчала, а Тарутин не стал настаивать:

– Не буду уточнять, что он подозревал. Но для наших правоохранителей все доводы иностранных коллег не имеют никакой силы. Для нас вы – гражданка России, и только наш суд может определить степень вашей вины. Понятно?

– Да, но я не понимаю, почему американцы вдруг объявили меня в международный розыск, – вздохнула Аня.

– Не принимайте близко к сердцу, – посоветовал капитан. – Лучше займитесь видео, что я сейчас вам уже отправляю.

Файл пришел, но Аня не спешила его открывать. Сидела за столом и размышляла. Можно, конечно, позвонить в Штаты и все самой узнать. Но кому звонить? Наверняка телефоны тех, с кем она общалась чаще всего, прослушиваются, а если не прослушиваются, то разговоры записываются, а потом записи проверяются. Знакомых, которые могут что-то знать о Марке, более десятка. Причем почти все наверняка сразу после ее звонка сами наберут номер ФБР и сообщат, а специалистам определить, откуда она звонила, не составит труда. Значит, надо придумать, что-то иное. В интернете она уже пыталась узнать. Но, кроме информации, что Марк Хайден пропал вместе с яхтой и женой, ничего не было.

В комнату заглянул отец.

– Заканчивай работу, – произнес он. – Я там на быструю руку состряпал нам поужинать.

Глава десятая

Про распространение порнографии ФБР, конечно, выдумало. Марк любил снимать обнаженные тела, но у него это получалось красиво, без пошлости и смакования. К нему часто обращались даже звезды экрана, мечтающие о таком портрете для своей спальни, например. Президент одной крупной корпорации – очень пожилой человек – заказал однажды фото для своего кабинета. Попросил такую работу, чтобы, глядя на снимок, мог отдохнуть душой. То, что придумал Марк, бизнесмену очень понравилось. Огромная фотография потом появилась на стене его кабинета: президент корпорации сидит за огромным дубовым рабочим столом, и, присев на столешницу, нагая девушка кормит белых голубей. Голуби на голове юной красотики, на плечах, на руках, летают под потолком, а морщинистый старичок следит за всем происходящим и грустно улыбается, догадываясь, вероятно, что часть прожитой жизни прошла мимо него...

А была еще фотография, сделанная в Кении. Снимок огромного баобаба среди голой местности, но если приглядеться, это не дерево вовсе, а толстая негритянка, из которой растут ветки, а на ветвях гнезда птиц и отдыхающие леопарды.

Порнографией мистер Хайден не занимался. Единственное, о чем жалела Аня, что муж пару раз сфотографировал ее в постели – утром, когда она еще спала. Но это тоже были прекрасные и высокохудожественные фото. Марк их нигде не выставлял, не выкладывал на своем сайте, а только распечатал и хранил в своем столе среди других своих произведений.

Позади остался Ки Уэст – маленький городок, от которого, перепрыгивая с одного кораллового островка на другой, через похожий на бескрайнее море Флоридский залив тянулась автострада. Справа был Мексиканский залив, слева Багамские острова.

Когда вышли в море и домики городка скрылись в расплавленной жарой дымке, Марк показал вперед на нос яхты и произнес:

– Там Куба. До нее меньше ста миль отсюда.

– Заскочим туда? – предложила Аня.

– Не получится, – покачал головой муж. – Катера береговой охраны нас перехватят, потом долго придется с ними разбираться. Просто походим немного, половим рыбку.

– А кто здесь водится?

– Китовые акулы, бычьи акулы, лимонные акулы, акула-молот, скатов очень много.

– Тогда не будем заходить на Кубу, раз здесь столько всего радостного, – согласилась Аня.

– Здесь хорошие и очень крупные тигровые креветки. Когда вернемся в Ки Уэст, посетим еще один ресторанчик. Только что выловленные, они совсем иные на вкус, чем замороженные, а стоят намного дешевле, чем те из супермаркетов.

Они вышли из Нью-Йорка, направляясь к Флориде, никуда не торопясь, иногда швартуясь в каком-нибудь маленьком приморском городке, чтобы переночевать возле берега. Потом зашли в Майами, задержались там на сутки, потому что Аня никогда не была там прежде. Целью путешествия был Ки Уэст – крошечный курортный городок, в который был влюблен Марк.

Когда пришли туда, Аня поняла, что она в тропическом раю. Мешало только одно: огромное количество народа. Улицы и песчаные пляжи были переполнены туристами, но это супругов Хайден уже не заботило. Они два дня гуляли по городу, в котором больше, чем людей, было кошек. Даже в доме Хемингуэя бродили коты. И, как сказал Марк, коты были не простые, а шестипалые – потомки любимца писателя – Снежка, кота, которого писатель подобрал неподалеку от дома на улице. Зашли и в музей военного флота, повеселились в музее кораблекрушений, где актеры разыгрывали морские баталии, посидели в ресторанчике. Марк пил

контрабандный гаванский золотой ром и курил сигары, чего никогда не делал в Нью-Йорке. Аня потягивала дайкири, смотрела на море и хотела остаться здесь навсегда.

На второе утро все же вышли в море. Просто подышать морским воздухом – так сказал Марк.

Они шли в сторону Кубы, потом немного изменили курс, повернув в сторону Багамских островов. Долгое время их сопровождали дельфины, и Аня пожалела, что их нечем покормить. Марк спустился в каюту и вернулся оттуда со спиннингом. Забросил его, начал вращать катушку и тут же крикнул жене, что там кто-то сидит. Когда он подводил добычу к борту, Аня увидела длинный плавник над волнами и спросила:

– Это случайно не акула?

– Марлин, – ответил муж.

Он вытащил добычу на борт и начал рассматривать. Осторожно приблизилась и Аня. Рыба была крупная, с серебристым брюхом и темной спиной и боками. На боках были полосы. А нос рыбы был длинным.

– Голубой марлин, – сказал Марк. – Иногда их путают с рыбой-молотом, но у той нет полосок. А этот, которого мы поймали, небольшой экземпляр – фунтов на двадцать.

– Ничего себе небольшой – почти десять килограммов! – удивилась выросшая на берегах Невы Аня. – Я в жизни такой огромной рыбы не видела!

– Сейчас увидишь еще больше, – пообещал муж. – Бывают марлины по две тысячи фунтов весом.

Он забрасывал спиннинг еще и еще. Но марлина больше не поймал. Зато вытащил с десяток тунцов. Тунцы тоже были крупными, но меньше той рыбы, что он поймал вначале.

Потом решили передохнуть и перекусить.

– Здесь банка, – сообщил муж. – Так что можно стать на якорь. Хотя смысла в этом нет. Течение нас далеко не отнесет. А если и отнесет, то мы же не спешим.

Аня достала из холодильника замороженные стейки и положила их на солнце, чтобы они быстрее оттаяли. Пожалела, что не сделала этого раньше. Начала нарезать овощи. Она смотрела на загорающего на корме Марка, за ним был океан, где-то далеко находилась Куба, а в другой стороне – Багамы. Подошла большая двухпалубная морская яхта и встала на якорь метрах в пятидесяти от них. На борту яхты разгуливали матросы и девушки в бикини. Трое мужчин сидели за столиком у самого борта верхней палубы, что-то выпивали и тоже наслаждались океанским простором.

– Иди-ка сюда, – позвал жену Марк. – Надевать ничего не надо, останься в купальнике.

Аня подошла и встала туда, куда показал ей муж.

– А теперь сделай вид, что ты модель, что ты делаешь снимки для своего портфолио. Позируй, принимай эффектные позы, подставляй лицо морскому ветру, поднимай руки, выгни спинку сексуально. Вот так, отлично!

Марк фотографировал ее, разогревая словами, подсказывал, в какую сторону посмотреть, как положить на талию руку. Фотографировал то на одну камеру, то на другую. Аня уже все поняла. Муж направлял камеру не на нее, а на борт той самой яхты.

– Кто там? – негромко спросила она.

– Вот так хорошо, девочка! – крикнул он. – Давай, крошка, давай, активнее, ведь ты будущая звезда! – И тут же шепнул: – Никогда бы не поверил: двое сенаторов в такой компании.

Он закончил снимать, прошел в каюту, сказав:

– А теперь быстро уходим.

Встал к штурвалу, и яхта понеслась по волнам.

– Так кто это был? – Ане было очень любопытно.

– Председатель сенатского комитета по разведке, а второй возглавляет комитет по обороне. А третьим в их компании был Гонсало Мендес, или просто Шарки Мендес. После того как поймали Эскобара, он теперь главный наркобарон в Колумбии.

– Надо быстро уходить? – спросила Аня.

– Как можно быстрее. Они тоже не идиоты. Видели, как я снимаю. Могли и догадаться, что даже если я и в самом деле фотографирую молодую красавицу, то они все равно попадали в кадр. Потом, когда меня заметили, они отошли от стола, но я продолжал снимать, чтобы они не подумали, что охотятся на них. Предполагаю, что мы оторвемся. Им еще с якоря сниматься, а скорости обоих судов приблизительно, одинаковые, но до Ки Уэста мы дойдем раньше. Надеюсь. А вот до Майами добраться не сможем. А потому я тебя высажу в порту. Ты сразу в местный аэропорт. Час лету – и ты в Майами... Нет, так не надо. Они могут позвонить и предупредить. А потому бери в аренду машину и гони на север. Ближайший международный аэропорт опять же в Майами. Бери билет в Европу и улетай.

Марк обнял жену, прижал к себе и шепнул ей так тихо, словно боялся, что кто-нибудь может его услышать:

– Желательно в Россию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.